

63.3(2Рос.Кры)
С59
СА-405408

Дмитрий Соколов

КРАСНЫЙ ТЕРРОР ЕВПАТОРИЯ

1918-1921

Дмитрий Соколов

КРАСНЫЙ ТЕРРОР ЕВПАТОРИЯ 1918-1921

СА-405408

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Нестор-История
Санкт-Петербург
2023

Оглавление

От автора.....	3
Глава I. Евпаторийский Февраль	15
Глава II. Берег и море	82
Глава III. Мамайская повесть.....	152
Глава IV. 1919-й: вторая волна.....	174
Глава V. Багряный рассвет	198
Заключение	237
Об авторе.....	239

Научно-популярное издание

Дмитрий Витальевич Соколов

КРАСНЫЙ ТЕРРОР
Евпатория. 1918–1921 гг.

Корректор *Г. В. Засыпкина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *Е. В. Руденко*

Подписано в печать 29.08.2023. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 15. Тираж 500 экз. Заказ № 3037

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

От автора

Я начал писать эту книгу 4 ноября 2022 года, в День народного единства. В этот период завершалась подготовка к изданию моей работы «Красный террор. Симферополь. 1918–1921 гг.»¹. Предполагалось, что этот проект станет первым в серии книг, раскрывающих тему ранних советских репрессий в городах Крыма в годы Гражданской войны и в первые месяцы после окончательного установления советской власти в ноябре 1920 г.

Тогда же почти наполовину был прочитан роман известного советского поэта, прозаика и драматурга Ильи Сельвинского «О, юность моя!» — произведение, в котором в беллетризованной форме рассказывалось о революционных событиях в Евпатории в 1917–1920 гг. Отмечу, что фрагментарно обращался к данной книге и раньше, в 2011–2012 гг., в период работы над материалами, легшими в основу моей монографии «Таврида, обгаренная кровью. Большевизация Крыма и Черноморского флота в марте 1917 — мае 1918 г.». Выдержанное в «правильном» идеологическом русле, произведение И. Сельвинского, тем не менее, весьма откровенно (насколько это было возможно в советское время) рассказывает и о нелицеприятных страницах из местной общественно-политической жизни в «период первого крымского большевизма» (конец 1917 — весна 1918 г.). В том числе и о массовом красном терроре, которым сопровождалось установление в регионе власти большевиков.

Роман «О, юность моя!» также примечателен тем, что в нем упомянут ряд имен видных общественных и политических деятелей,

¹ Соколов Д. В. Красный террор. Симферополь. 1918–1921 гг. М.: НБФ «Наследие», 2022.

оставивших заметный след в истории региона, которые ко времени публикации произведения (конец 1960-х гг.) незаслуженно были забыты (во многом потому, что не приняли революцию). При всем своем стремлении следовать устоявшемуся канону, Илья Львович выпукло отразил пестроту жизни в Крыму при антибольшевистских режимах, имеющийся плюрализм мнений и относительное продуктивное изобилие. Немало смелых суждений вкладывает автор и в уста своих персонажей.

По сути, Евпатория и Крым периода революции и Гражданской войны в романе И. Сельвинского выступают в качестве самостоятельных персонажей. В этом еще одна особенность произведения. Мысленно совершая путешествие в прошлое, автор воссоздает тот облик полуострова, которого уже не существовало на момент написания книги. Причина тому — события 1941–1944 гг., когда вследствие чудовищных разрушений, причиненных военными действиями в ходе противостояния с нацистской Германией и ее союзниками, изменился облик большинства крымских городов, а целые народы (немцы, крымские татары, греки, армяне, болгары) были принудительно выселены после освобождения полуострова весной 1944 г.

Показательно, что после публикации роман И. Сельвинского вызвал жесткую критику со стороны некоторых старых евпаторийских коммунистов — участников революционных событий и Гражданской войны, а также их потомков.

«В целом роман — пренебрежение к истории революции, пренебрежение к читателю», — заявил один из участников читательской конференции, которая состоялась в Евпатории по случаю выхода книги И. Сельвинского¹.

Автору предъявляли претензии за допущенные хронологические и фактические неточности, недостоверное изображение ряда ключевых персонажей, а также за то, что главный герой

¹ Никифорова Л.Л. Революционный мир в романе И. Сельвинского «О, юность моя!» и его интерпретация читателями-земляками // Вестник Крымских чтений И.Л. Сельвинского. Вып. 10. Природа, мир, Вселенная в русской литературе. Сб. науч. ст. Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. С. 35.

произведения — гимназист Елисей Бредихин «жметя не к рыбакам, не к рабочим и солдатам, а к сынкам миллионеров». Утверждалось, что «симпатия автора на стороне того Леськи, который испытывает страх и отвращение к революции, отнявшей у него все, что было привычным и дорогим его сердцу — его общество, его друзей. Юноша без стойких политических убеждений, рабски преданный своим старым хозяевам и предрассудкам, мог только приспособиться к революции, а не стать ее активным участником»¹.

Критики оставили без внимания то обстоятельство, что в предисловии к журнальному варианту романа Илья Львович упредил ряд претензий читателей.

«В романе можно найти множество отклонений от мелкой хронологии, — писал автор. — Но людей, выведенных в романе, я знал лично, а дыхание эпохи, надеюсь, воссоздал правильно. Никаких других задач я перед собой не ставил»².

В целом, весьма распространено ошибочное суждение, что роман И. Сельвинского является мемуарным источником (автобиографическим романом, беллетризованными воспоминаниями). Это художественное произведение, и автор имеет право на собственный вымысел. Вполне определенно высказался по этому поводу и сам Илья Львович:

«Читатель не станет читать роман, если в нем стенограмма подчиняет себе художественную ткань»³.

Я не случайно столь подробно остановился на этом произведении прославленного советского литератора. Его энергетика и внутренний ритм во многом и послужили причиной выбора тематики и написания настоящей работы.

При этом, конечно, нельзя утверждать, что такое решение было принято исключительно под влиянием вышеупомянутого романа И. Сельвинского. В действительности идея создания текста о событиях в Евпатории в переломное для страны время вынашивалась

¹ Неопубликованная статья В. В. Груббе для журнала «Агитатор» на роман И. Сельвинского «О, юность моя!» // <http://история-евпатории.рф/istorii-v-ludjah-i-sudbah/pismo-grubbe-selvinskomy.php>.

² Цит. по: *Никифорова Л.Л.* Указ. соч. С. 34–35.

³ Там же. С. 35.

Глава I

Евпаторийский Февраль

Падение монархии заметной частью населения, как в Евпатории, так и во всей стране, было встречено с безразличием. Либо, напротив, с воодушевлением. Местные власти охотно присягали на верность Временному правительству.

Как вспоминал большевик С. Поплавский, в описываемое время работавший слесарем на евпаторийском машиностроительном заводе, «революция здесь началась несколько своеобразно. Однажды, идя на завод, я услышал со стороны вокзала пение “Боже, царя храни!” Прихватив на заводе беспартийного тов. Годовского, я отправился на вокзал, где узнал, что в город только что прибыли из Петрограда два батальона гвардейских Преображенского и Семеновского полков. По словам солдат, в связи с развернувшимся в Петрограде революционным движением командование поспешило с отправкой их в Крым, как в более устойчивый в политическом отношении центр.

К вечеру офицерами-эсерами прибывших батальонов (не могу не отметить пресловутого прапорщика Гадалина, ставшего потом одним из лидеров местных эсеров) был устроен в городе митинг, на котором присутствовавшие солдаты постановили: разоружить полицию, распустить старую городскую думу и земскую управу и взамен их избрать новые на основе “четыреххвостки”.

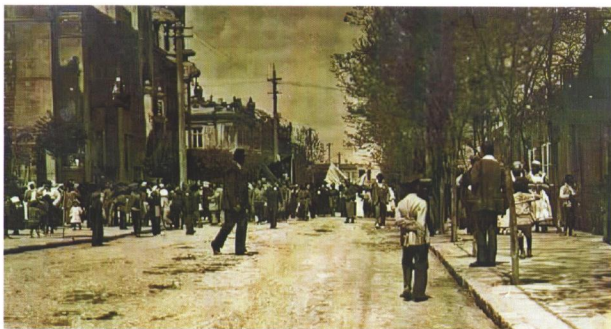
На следующий день состоялось общее собрание объединенной социал-демократической рабочей партии, созданное с целью информации и обсуждения создавшегося положения. Собрание было чисто соглашательского состава. Из большевиков почти никого не было, кроме пришедших со мной рабочих, сочувствовавших

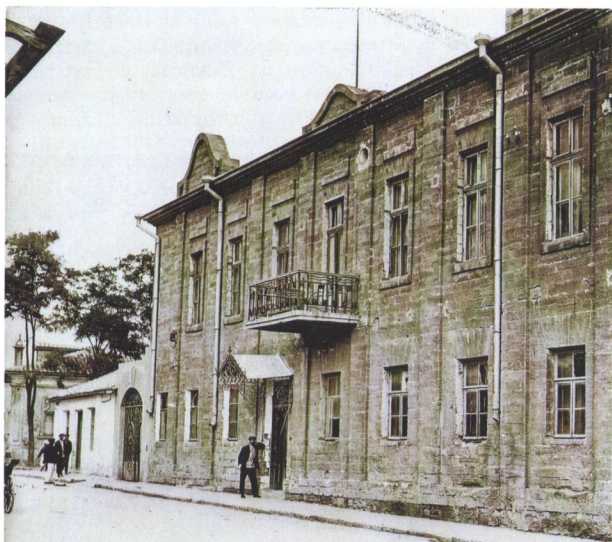
Евпатория. Общий вид бульвара и набережной. Фото начала XX в.

*Присяга военнослужащих Евпаторийского гарнизона
Временному правительству. Евпатория, апрель 1917 г.*

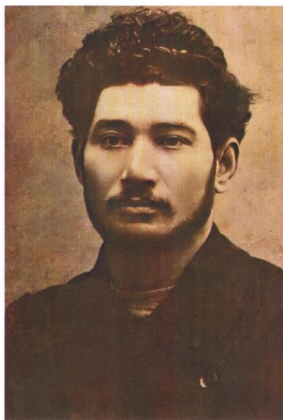
Демонстрация в Евпатории. 1917 г.

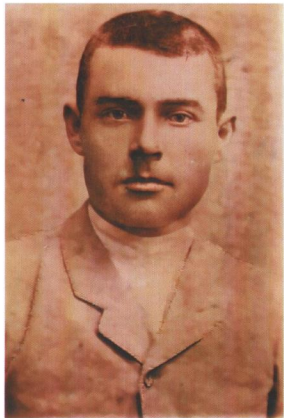
Здание бывшей гостиницы Бейлер, где в 1917 г. — начале 1918 г. происходили общие собрания евпаторийских большевиков

С. Э. Дуван

Д. Л. Кареев

М. П. Немич

А. П. Немич

Глава II

Берег и море

В начале 1918 г. в Евпаторию пришел ужас. В истории города в XX столетии события, которые произошли в это время, являются одними из самых кровавых. Своею жестокостью и изуверством они потрясли современников не только из числа не принявших революцию, но и ее активных апологетов. Трагедия, которую было суждено пережить жителям Евпатории в январе-марте 1918 г., нашла отражение в различных источниках: официальных документах, газетных публикациях, воспоминаниях, художественной литературе.

И сегодня то, что произошло в те страшные месяцы, является одним из наиболее известных и узнаваемых образов разгула массового террора, который захлестнул полуостров после Октябрьского переворота.

Трагедии предшествовала цепочка событий, многие из которых до настоящего времени не получили должного освещения, а некоторые до сих пор остаются предметом дискуссий и споров.

Таким эпизодом в истории города, без сомнения, является убийство председателя местного Совета, большевика Д. Караева, произошедшее в январе 1918 г. Сразу же после гибели Давид Львович был возведен в статус сакральной жертвы.

В этой связи уместно процитировать следующее мнение современного публициста, Игоря Ткачева:

«Любой переворот, любая революция — это прежде всего эмоциональный взрыв, животная энергия недовольных масс, подпитанная негодованием, возмущением и другими негативными эмоциями, которые, как мы знаем, гораздо сильнее эмоций положительных. Без них не будет революции, а лишь слабая, обреченная на провал попытка

сменить существующий порядок вещей. Эмоции, а вовсе не пушки и автоматы свергают режимы, автократов и королей.

Одним из инструментов обеспечения такого массового эмоционального взрыва в народе служат сакральная жертва и мученичество на благо высокой идеи: высвобождения якобы поработленного народа от оков.

С одной стороны — демонизация существующей власти, которая еще вчера устраивала большую часть общества, обвинение ее в разного рода преступлениях, убийствах, казнокрадстве, как правило, без или с сомнительной доказательной базой, с другой — сакрализация святого, невинно убиенного агнца, юноши или девушки, “никому ничего никогда плохого не сделавших”. Последнее — прямоком из нашего пещерного прошлого, из древних книг, когда приносилась жертва в угоду доброму богу или злому дьяволу. Позже она сакрализировалась с целью высвобождения животных энергий, необходимых для оправдания дальнейших решительных действий, ведущих к свержениям, переворотам, революциям или же просто какой-нибудь священной охоте. Ритуал. Священнодействие.

События, предшествующие “принесению жертвы” — сотворению образа сакрального агнца, как правило, туманны, размыты, перерваны... или просто проигнорированы, если представляют собой что-то малопримечательное и недостойное восхищения и внимания толпы. Факты — подгоняются под заданную идею героизации и сотворяется История, Миф, Героический Поступок. Даже если агнец просто вышел оправиться в чистое поле и его убило вражеским снарядом, то он все равно попадает в список павших смертью храбрых героев с присвоением к награде. То есть выбранная сакральная жертва не может быть пьяной, неказистой, глупой... Она — заранее правильна и праведна, а все, кто противостоит ей, — демоны, изверги, палачи и фашисты. И тем более не может сама на себя навлечь заслуженное ответное действие с демонизированной стороны.

Позже, если к власти придут революционеры, мученик попадет в учебники истории как новый богатырь, исполин, герой. Им будут названы улицы и школы, парки и скверы. Ну а пока к месту его гибели, часто избирательному и не имеющему географических границ, самые экзальтированные и неглубокомысленные понесут лампадки, цветы,

*Трупы неизвестных, казненных в Евпатории в январе 1918 г.,
выброшенные морем в апреле того же года*

Отряд боевиков Красной гвардии, принимавших участие в установлении советской власти в Евпатории в 1917–1918 гг.

Останки епаторийского нотариуса И. А. Коптева и члена городской управы Ф. И. Васильюти. Евпатория, 10 апреля 1918

Глава IV

1919-й: вторая волна

В марте 1919 г. над Крымом и Евпаторией нависла тень новой угрозы. Немногочисленные добровольческие отряды, пришедшие на смену германским оккупационным войскам, не могли эффективно противостоять превосходящим частям Красной армии, которые заняли сопредельные территории. В этой связи перспектива захвата региона большевиками стала совершенно реальной.

Трудные времена настали и для местных леворадикалов, которые были арестованы и содержались под стражей. Так, еще в конце 1918 г., в связи с возросшей активностью красных партизан и подпольщиков, режим содержания лиц, находящихся в симферопольской тюрьме, был усилен. В ответ на это заключенные (в том числе евпаторийские большевики — организаторы и участники массовых расстрелов и казней, проводившихся в городе в январе-марте 1918 г.) утром 4 декабря 1918 г. объявили всеобщую голодовку, которая продлилась до 8 декабря. Заключенные потребовали скорейшего окончания следствия, а также вызова в тюрьму министра юстиции и двух представителей от профсоюзов для вручения жалоб. Также была предпринята попытка вырыть подкоп и сбежать. Побег был назначен на 9 января 1919 г., но тюремный режим был еще больше усилен¹.

Находясь в заточении, члены семьи Немич узнали о гибели их брата Сергея, который занимался подпольной работой. Он был убит 17 октября 1918 г. стражниками полицейского участка при невыясненных обстоятельствах (скорее всего, при попытке к бегству).

¹ Тавровский Б. Указ. соч. С. 76.

После гибели самого младшего из детей отец семейства, Павел Немич, повесился¹.

В марте 1919 г. настал черед и других членов семейства. Как отмечал Д. Пасманик, родственники жителей Евпатории, погибших в ходе террора, были недовольны тем, что виновные до сих пор не понесли наказания, и требовали быстрого суда «с применением смертной казни к убийцам. <...> Но министр юстиции В.Д. Набоков, все время твердил одно: он, выросший на чувстве уважения к законности, не может издавать новых законов с обратной силой. Страсти разгорались. Тогда было решено перевести всех арестованных в Керченскую тюрьму»².

В ночь на 15 марта 1918 г. Антонину, Варвару, Юлию и Семена, а также Н. Демышева, В. Груббе и других большевиков (всего 20 человек) вывезли из Симферополя в сторону Керчи в связи с необходимостью разгрузки тюрьмы, где скопилось много заключенных и свирепствовал сыпной тиф, а также с целью обеспечения их безопасности от самосуда толпы. Но по пути арестанты взбунтовались и попытались обезоружить конвой.

Реакция охраны была предсказуемой. Белые открыли огонь из пулеметов, выживших добили. Тела убитых сложили в двух вагонах, затем опечатали. Расправа произошла на полустанке Ойсул (ныне — с. Астанино Ленинского района, железнодорожная ветка Владиславовка — Керчь). Впоследствии начальник конвоя написал рапорт, в котором изложил обстоятельства произошедшего инцидента³. Отмечалось, что «в пути арестанты сделали попытку взбунтоваться, ранили трех офицеров и все были расстреляны конвоем и тут же зарыты у полотна железной дороги»⁴.

Понятно, что в советской литературе обстоятельства гибели членов семьи Немич и других большевиков преподносились иначе. Широкое распространение получила версия бессмысленной

¹ Кротов В. Краткая историческая справка о семье Немичей и Н.М. Демышеве // <http://evpatoria-history.info/historical/kropotov-v-s-kratkaja-spravka-o-nemich-i-demisheve.php#/0>.

² Пасманик Д. С. Указ. соч. С. 179–180.

³ Вьюницкая Л.Н., Кравцова Л.П. Указ. соч. С. 123–124.

⁴ Загородских Ф. С. Указ. соч. С. 34–35.

А. Ф. Позднанский

В. В. Груббе

*Снимок места массового расстрела, состоявшегося в Евпатории 1 марта 1918.
Евпатория, 10 апреля 1918*

Экзугумация тел с места массового расстрела. Евпатория, 10 апреля 1918

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**